

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132—2095

ОГОНЁК

№ 3

1987

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

ТРИ ДНЯ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 3

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

ТРИ ДНЯ

Стихи

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Андрей Дмитриевич Дементьев родился 16 июля 1928 года в городе Калинин. Там же окончил среднюю школу, учился в Калининском пединституте (ныне Калининский государственный университет), откуда перешел в Литературный институт имени А. М. Горького, который и окончил в 1952 году.

Первые стихи были опубликованы в 1948 году. Автор поэтических сборников «Родное», «Глазами любви», «Солнце в доме», «Боль и радость», «Наедине с совестью», «Рядом ты и любовь», «Библиотечка избранной лирики», «Рождение дня», «Азарт», однотомника «Избранное» и других.

Неоднократно печатался в «Правде», «Известиях», «Советской России», «Комсомольской правде», «Огоньке», «Новом мире», «Октябре», «Знамени», «Дружбе народов», «Юности», автор популярных песен «Баллада о матери», «Отчий дом», «Алёнушка», «А мне не надо от тебя», «Лебединая верность», «Каскадеры», «Я тебя рисую» и других.

Стихи поэта переводились на многие языки народов Советского Союза, а также на болгарский, немецкий, польский, румынский, английский, японский, хинди, финский, португальский, испанский. Песни его исполняются в разных странах мира.

Андрей Дементьев — член КПСС с 1950 года. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола. Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Я ненавижу в людях ложь.
Она у нас бывает разной:
весьма искусной или праздной
и неожиданной, как нож.

Я ненавижу в людях ложь.
Ту, что считают безобидной,
ту, за которую мне стыдно,
хотя не я, а ты мне лжешь.

Я ненавижу в людях ложь.
Я негоую и страдаю,
когда ее с улыбкой дарят
так, что сперва не разберешь.

Я ненавижу в людях ложь.
От лжи к предательству полшага.
Когда-то все решала шпага,
а нынче старый стиль негож.

Я ненавижу в людях ложь.
И не приемлю объяснений.
Ведь человек, как дождь весенний.
А как он чист, апрельский дождь!

Я ненавижу в людях ложь.

Ничего не вернешь...
Даже малого слова.
Ни ошибок, ни радостей, ни обид.
Только кто-то окликнет меня из бывшего —
и душа замирает, и сердце болит.

Мы когда-то о жизни своей загадали.
Да сгорели ромашки на прошлой войне.
Не мелели бы души, как речки, с годами...
Потому что душа постоянно в цене.

Ничего не вернешь...
Оттого все дороже
переменчивый мир.
И морозы, и зной.
Мы судьбою не схожи, но памятью схожи.
А поэтому вы погрузите со мной.

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Постарела мать за тридцать лет.
А вестей от сына нет и нет.

Но она все продолжает ждать,
потому что верит, потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад.
Кроме мертвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
мальчиков безусых, не пришло!

...Раз в село прислали по весне
фильм документальный о войне.

Все пришли в кино — и стар, и мал,
кто познал войну и кто не знал.

Перед горькой памятью людской
разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать...
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.

Мать узнала сына в тот же миг.
И зашелся материнский крик:

— Алексей! Алешенька! Сынок!..—
Словно сын ее услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.

Все боялась — вдруг он упадет.
Но сквозь годы мчался сын вперед.

— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей, — просили, — Добеги!..

Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.

И опять в атаку он бежит,
жив-здоров, не ранен, не убит.

Дома все ей чудилось кино.
Все ждала — вот-вот сейчас в окно

посреди тревожной тишины
постучится сын ее с войны.

ТРИ ДНЯ

Гале

Когда отпустит мне судьба
последние три дня, —
на миг забуду я тебя.
Но ты прости меня.

Свой первый день —
один из трех —
друзьям своим отдам.
Пусть в дом придет ученый трёп
с весельем пополам.

С детьми второй день проведу.
Я очень виноват
за то, что много дней в году
далек был от ребят.

А свой последний, третий день
пробуду я с тобой,
чтоб не узнала ты меж дел,
что жизнь даст отбой.

Чтоб было всё с тобой у нас,
как много лет назад:
в последний раз, как в первый раз,—
улыбка, слово, взгляд.

Хочу, чтоб я с собой унес
сокровища двоих.
Не соль и горечь тихих слез,
а сладость губ твоих.

Чтобы навек в родных глазах
(ты забывать не смей!)
не боль осталась и не страх,
а свет любви моей.

* *
*

Не смейте забывать учителей...
Они о нас тревожатся и помнят.
И в тишине задумавшихся комнат
ждут наших возвращений и вестей.

Им не хватает этих встреч нечастых.
И сколько бы ни миновало лет —
слагается учительское счастье
из наших ученических побед.

А мы порой так равнодушны к ним:
под Новый год
не шлем им поздравлений
и в суете иль попросту из лени
не пишем. Не заходим. Не звоним.

Они нас ждут. Они следят за нами.
И радуются всякий раз за тех,
кто где-то снова выдержит экзамен
на мужество, на честность, на успех.

Не смейте забывать учителей.
Да будем мы достойны их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.

Не смейте забывать учителей...

ДЕЛЬФИН

А. Алексину

Дельфин плыл к берегу.
Порезанный винтами,
он так кричал, что море содрогалось.
А мы лежали на песке прибрежном
и ничего не знали о беде.
Мы только волны слышали в то утро.

Дельфин плыл к берегу
в надежде,
что мы его заметим над волнами.
И побежим навстречу,
как однажды
он кинулся на помощь человеку
и до земли ему доплыть помог.

Дельфина мы заметили случайно.
Когда вблизи взметнулся он высоко,
и кто-то громко крикнул:
— Посмотрите! Дельфин играет.
А другой добавил:
— Во, дает!

Какой-то мальчик бросил в море булку.
Но булка до него не долетела.
Дельфин исчез.
Быть может, испугался?

А мы опять уткнулись в наши книги.
Жевали фрукты. В шахматы играли.
Смеялись анекдотам.

И не знали, что наш дельфин,
отчаянью поддавшись,
навек опускался в глубину.

И только мальчик все смотрел на море.

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЙТЕ

Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
если то, что случилось нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
с этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалейте своей доброты и участия,
если даже за все вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте.
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте.
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте.
Но еще гениальнее слушали вы.

* *
*

И. А. Андроникову

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасен
Сергеем Соболевским...
Его любимый друг
с достоинством и блеском
дуэль расстроил вдруг.
Дуэль не состоялась.
Остались боль и ярость.

Да шум великосветский,
что так ему постыл...
К несчастью, Соболевский
в тот год в Европах жил.

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасен...

Все было очень просто:
у Троицкого моста
он встретил Натали.
Их экипажи встали.
Она была в вуали —
в серебряной пыли.
Он вышел поклониться,
сказать — пускай не ждут.

Могло все измениться
в те несколько минут.
К несчастью, Натали
была так близорука,
что, не узнав супруга,
растаяла вдали.

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасен...

Под дуло пистолета,
не опуская глаз,
шагнул вперед Данзас
и заслонил поэта.
И слышал только лес,
что говорит он другу...
И опускает руку
несбывшийся Дантес.

К несчастью, пленник чести
так поступить не смел.
Остался он на месте.
И выстрел прогремел.

А мне приснился сон,
что Пушкин был спасен...

* *
*

Вот и все. Уже вещи собраны.
Посидим на прощанье, мать.
И молчат твои руки добрые,
хоть о многом хотят сказать.

Руки мамы... Люблю их с детства.
Где б дорога моя ни шла, —
никуда мне от них не деться,
от душистого их тепла.

Руки мамы... В морщинах, в родинках,
сколько вынесли вы, любя...
С этих рук я увидел Родину,
так похожую на тебя,
Мама...

* *
*

Р. Щедрина

Я живу открыто.
Не хитрю с друзьями.
Для чужой обиды
Не бываю занят.

От чужого горя
В вежливость не прячусь.
С дураком не спорю.
В дураках не значусь.

В скольких бедах выжил.
В скольких дружбах умер.
От лстецов да выжиг
Охраняет юмор.

Против всех напастей
Есть одна защита:
Дом и душу — настежь!
Я живу открыто.

В дружбе, в буднях быта
Завистью не болен.
Я живу открыто,
Как мишень на поле.

ТВЕРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

1

Всего лишь день,
Всего лишь ночь
Остались нам до встречи.
Но эти сутки превозмочь
Двум нашим душам нечем.

Я выйду на угол Тверской —
В назначенное место,
И ты мне издали рукой
Махнешь, как в день отъезда.

На этом памятном углу
Средь гомона людского
Я вновь поверить не смогу,
Что ты вернулась снова,

Что снова все со мной сейчас —
Твоя улыбка, голос,
Тревожный свет счастливых глаз
И тихая веселость.

Минуты, дни или года
Промчатся в этот вечер.
Любовь одна.
И жизнь одна.
И ночь одна — до встречи.

2

Под тихий шелест
Падавшей листвы
Мы шли вдвоем
Сквозь опустевший город.
Еще с тобою были мы на «вы».
И наша речь —
Как отдаленный говор
Реки,
Что тосковала вдалеке.
Мы ощущали грусть ее и свежесть.
Глаза твои — в неясном холодке.
И я с тобою бесконечно вежлив.

Но что-то вдруг в душе произошло.
И ты взглянула ласково и мило.
Руки твоей прохладное тепло
Ответного порыва попросило.

И что случилось с нами —
Не пойму.
Охвачена надеждой и печалью,
Доверилась ты взгляду моему,
Как я поверил твоему молчанию.
Еще мне долго быть с тобой на «вы».
Но главное уже случилось с нами:
Та осень дождалась моей любви.
Весна еще ждала твоих признаний.

3

Я пришел в тот дом, где ты жила.
Все полно тобою в этом доме.
Как улыбка, комната светла.
И цветы прохладны,
Как твои ладони.

В комнате витает аромат,
Что меня так волновал при встречах.
В память наших будущих утрат
Разреши зажечь мне эти свечи.

Все как будто здесь знакомо мне:
Телефон, что нам дарил друг друга,
Кресло, отодвинутое в угол,
И пейзаж в распахнутом окне.

Розы для тебя поставлю в вазу,
Оживит их теплый свет дневной.
И хотя я не был здесь ни разу, —
Ты была здесь счастлива со мной.

Дом тебе мой передаст привет.
Оглянусь с печального порога...
Хочется побыть еще немного
Около тебя,
Хотя тебя здесь нет...

Что делать...
 Мы столько с тобой расставались.
 У встреч и разлук
 Заколдованный круг.
 Как раненый город
 Встает из развалин,
 Так мы возрождались
 С тобой из разлук.
 И если куда-нибудь
 Вновь улетаю,
 Мне кажется —
 Я возвращаюсь к тебе:
 В тот город,
 Где улицы снег заметает.
 В тот город,
 Где розы цветут в сентябре.
 Хотя ты навряд ли
 Тот город увидишь.
 И я в нем, наверно,
 Единственный раз.
 Все кажется мне —
 Ты навстречу вдруг выйдешь
 В условленном месте
 В условленный час.

Здравствуй, наш венчальный город!
 Давний свет в твоём окне.
 Я целую землю, по которой
 Столько лет ты шла ко мне.
 Как давно все было это!
 То ли жизнь, то ль день назад...
 Тем же солнцем даль согрета.
 Так же светел листопад.

Погрущу в пустынном сквере,
 Посижу на той скамье,
 На какой-то миг поверив,
 Что ты вновь пришла ко мне.

Ты придешь и скажешь:
 — Здравствуй!

— Не забыла? — я спрошу
И сиреневые астры
На колени положу.

«Боже мой, какая прелесть!»
И на несколько минут,
От твоей улыбки греясь,
Астры ярче зацветут.

К сожаленью, день не вечен.
Мы весь день проговорим,
Словно жизнь свою той встречей
Незаметно повторим.

РАНЕННЫЙ ОРЕЛ

Н. Кабулу

Я к друзьям приехал в гости.
Горы, воздух... Синий край.
И над быстрой речкой мостик —
Что твоя дорога в рай.

Здесь, у речки, утром ранним
Мы увидели орла.
Кем-то был он подло ранен.
В алых пятнах полкрыла.

Не за то ль орел наказан,
Что так верен небесам?!
Он смотрел зеленым глазом,
Полным ненависти к нам.

Мы с орлом вернулись к дому,
Оказав владыке честь.
Все он понял по-другому,
Отказался пить и есть.

Мы снесли его к подножью,
В голубую круговерть.
Он туда взлететь не сможет,
Может рядом умереть.

Но взглянув на нас без гнева,
Он поднялся тяжело
И пошел пешком на небо,
Волоча свое крыло.

Шел орел осиротело,
Клювом мясо рвал с крыла,
Будто выклевывать хотел он
Боль, что тоже в небо шла.

Только там он может выжить
Иль погибнуть в синеве...
Он успел на память вышить
Строчку красную в траве.

* *
*

Любовь не только возвышает.
Любовь порой нас разрушает.
Ломает судьбы и сердца.
В своих желаниях прекрасна,
Она бывает так опасна,
Как взрыв иль девять грамм свинца.
Она врывается внезапно,
И ты уже не можешь завтра
Не видеть милого лица.

Любовь не только возвышает.
Любовь вершит и все решает.
И мы уходим в этот плен.
И не мечтаем о свободе...
Пока заря в душе восходит,
Душа не хочет перемен.

ВИДЕНЬЕ

А. Пьянову

Хочу спросить...
Не знаю — у кого.
Как дальше жить,
Когда душа в смятении?
И вроде не случилось ничего.
Смешно сказать, явилось мне виденье.

Оно явилось на исходе дня.
От встречи с ним я суеверно вздрогнул.
Прекрасный образ снега и огня
На синем фоне — яростном и строгом.

Я оказался посреди огня.
Нам разминуться было слишком поздно.
И я подумал: «Что-то ждет меня,
Когда огонь мне прямо в душу послан?»

Но пламя было холодно, как снег.
А снег пылал и оставался снегом.
И синий свет вдруг превратился в смех
И захлебнулся этим самым смехом.

Мне было одиноко и легко.
И страшно было и неотвратимо.
Меня к огню по-прежнему влекло,
Но падал снег и нарушал картину.

Хочу спросить, не знаю — у кого, —
Что означает странное виденье?
Беду мою иль чье-то торжество?
И как мне жить, когда душа в смятении?

ХАРАКТЕР

В. Большакову

У мужчины должен быть характер.
Лучше, если тихий,
Словно кратер,
Под которым буря и огонь.

У мужчины должен быть характер,
Добрый взгляд
И крепкая ладонь.
Чтобы пламя сердце не сожгло.
Можно душу отвести на людях,
Лишь бы в сердце не копилось зло.

У мужчины должен быть характер.
Если есть —
Считай, что повезло.

ЖЕНЩИНА УХОДИТ ИЗ РОДДОМА

Уходит женщина от счастья.
Уходит от своей судьбы.
А то, что сердце бьется чаще, —
так это просто от ходьбы.

Она от сына отказалась.
Зачем он ей в семнадцать лет!
Не мучат страх ее и жалость.
Лишь только няни смотрят вслед.

Уходит женщина от счастья
под горький ропот матерей.
Ее малыш — комочек спящий —
пока не ведает о ней.

Она идет легко и бодро,
не оглянувшись на роддом.
Вся в предвкушении свободы,
что опостылет ей потом.

Но рухнет мир, когда средь ночи
приснится радостно почти
тот теплый ласковый комочек,
сопевший у ее груди.

ЛЕРМОНТОВ И ВАРЕНЬКА ЛОПУХИНА

I

Они прощались навсегда,
Хотя о том пока не знали.
Погасла в небе их звезда,
И тихо свечи догорали.

«Я обещаю помнить вас...
Дай бог дожить до новой встречи...»
И каждый день, и каждый час
Звучать в нем будут эти речи.

Она его не дождалась,
С другим печально обвенчалась.
Он думал: «Жизнь не удалась...»
А жизнь лишь только начиналась.

II

Он ставит в церкви две свечи.
Одну — за здоровье любимой,
Чтоб луч ее мерцал в ночи,
Как свет души его гонимой.

Свечу вторую он зажжет
За упокой любви опальной.
И, может, пламя горьких строк
Зажгло от той свечи печальной?

Две юных жизни...
Два конца...
И смерть их чувства уравнила,
Когда у женского лица
Свеча поэта догорала.

ПОСЛЕ НАС

А. Вознесенскому

Все будет так же после нас.
А нас не будет.
Когда нам жизнь сполна воздаст, —
У мира не убудет.

По небу скатится звезда
Слезой горючей.
И не останется следа.
Обычный случай.

Я вроде смерти не боюсь,
Хотя нелепо
Порвать загадочный союз
Земли и неба.

Пусть даже ниточкой одной,
Едва заметной,
Став одинокой тишиной
Над рощей летней.

Негромкой песней у огня,
Слезой поздней...
Но так же было до меня.
И будет после.

И все ж расстаться нелегко
Со всем, что было.
И с тем, что радостно влекло
И что постыло.

Но кто-то выйдет в первый раз
Вновь на дорогу.
И листья сбросит старый вяз
У наших окон.
Все будет так же после нас.
И слава богу.

* * *

*

Сандаловый профиль Плисецкой
Взошел над земной суетой.
Над чьей-то безликостью светской,
Над хитростью и добротой.

Осенняя Лебедь в полете.
Чем выше — тем ярче видна.
— Ну, как вы внизу там живете?
Какие у вас времена?

Вы Музыкой зачаты, Майя,
Серебряная струна.
Бессмертие — как это мало,
Когда ему жизнь отдана.

Во власти трагических судеб
И веку верна своему.
А гения время не судит.
Оно только служит ему.

Великая пантомима —
Ни бросить, ни подарить.
Но все на земле повторимо.
Лишь небо нельзя повторить.

Сандаловый профиль Плисецкой
Над временем — как небеса.
В доверчивости полудетской
Омытые грустью глаза.

Из зала я — как из колодца —
Смотрю в эту вечную синь.
— Ну, как наверху вам живется? —
Я Лебедя тихо спросил.

ОТЕЦ

Отец мой сдаст.
И тревожная старость
Уже начинает справлять торжество.
От силы былой так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль, и смеюсь беззаботно,
Стараясь внезапно не выдать себя...
Он, словно поняв, поднимается бодро,
Как позднее солнце
В конце октября.

Мы долгие годы в разлуке с ним были.
Пытались друг друга понять до конца.
Года, как тяжелые камни, побили
Веселое, доброе сердце отца.

Когда он идет по знакомой дороге
И я выхожу, чтобы встретить его,
То сердце сжимается в поздней тревоге.

Уйдет...
И уже впереди никого.

СТАРЫЙ КРЫМ

Марине

Мы приехали не вовремя:
домик Грина на замке.
Раскричались что-то вороны
на зеленом сквозняке.

Домик Грина в тишине.
Я смотрю поверх калитки.
И почудилась в окне
мне печаль его улыбки.

Нас к нему не допускают.
Нас от Грина сторожат.
И ограда зубы скалит,
точно сорок лет назад.

Но спасибо добрым людям —
снят замок, открыта дверь.
Не одни мы Грина любим.
Не одни скорбим теперь.

Мы заходим в домик низкий.
В эту бедность и покой.
Свечи — словноobelisks —
над оборванной строкой.

Всюду даты и цитаты.
Не изменишь ничего.
Все мы горько виноваты
перед памятью его.

И за то, что прожил мало.
И за то, что бедно жил.
И за то, что парус алый
не всегда нам виден был.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Я выстрелил.
И вся земля
вдруг визг собаки услышала.
Она ползла ко мне, скуля,
и след в траве тянулся алый.

Мне от вины своей не скрыться.
Как всё случилось — не пойму.
Из двух стволов я бил волчицу,
а угодил в свою Зурму.

Она легонько укусила
меня за палец...
Может быть,
о чем-то, жалуясь, просила.
Иль боль хотела поделить.

Ах, будь ты проклята, охота!
И этот выстрел наугад.
Я всё шептал ей: «Что ты, Что ты...» —
Как будто был не виноват.

Зурма еще жива была,
когда я нес ее в песчаник.
А рядом стыли два ствола,
как стыла жизнь в глазах печальных.

Неосторожны мы подчас.
В азарте, в гневе ли, в обиде
бьем наугад, друзей не видя.
И боль потом находит нас.

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

Вновь иней на деревьях стынет.
По синеве, по тишине
звонят колокола Хатыни...

И этот звон болит во мне.

Перед симфонией печали
молчу и плачу в этот миг.

КАК ДЕТИ В ПЛАМЕНИ КРИЧАЛИ!

И до сих пор не смолк их крик.

Над белой тишиной Хатыни
колокола как голоса
тех,
что ушли в огне и дыме
за небеса.

«Я — АННА, АННА!» —
издалека.
«О, ГДЕ ТЫ, МАМА, МАМА?» —
издалека.

Старик с ребенком через страх
идет навстречу.
Босой. На бронзовых ногах.
Увековечен.
Один с ребенком на руках.

Но жив старик.
Среди невзгод,

Как потерявшийся прохожий,
который год, который год

ИЗ ДНЯ ТОГО УЙТИ НЕ МОЖЕТ!

ИХ СОГНАЛИ В САРАЙ, ОБЛОЖИЛИ СОЛОМОЙ
И ПОДОЖГЛИ 149 ЧЕЛОВЕК, ИЗ НИХ 76 ДЕТЕЙ
ЛЕГЛО В ЭТОЙ ЖУТКОЙ МОГИЛЕ.

Он слышит:
по голосам — из автомата.
По детским крикам и слезам —
из автомата.
По тишине и по огню — из автомата.

Старик всё плачет.
Не потому, что старый,
а потому, что никого не осталось.
Село оплакивать родное
идет в сожженное село.
По вьюгам, ливням и по зною
несет он память тяжело.
Ему сюда всю жизнь ходить.
И до последних дней

СТО СОРОК ДЕВЯТЬ ДУШ ХРАНИТЬ
в душе своей.

Теперь Хатынь — вся из гранита —
печально трубы подняла.
Скрипят деревья, как калитки, —
когда еще здесь жизнь была.

Вновь иней на деревьях стынет.
По синеве, по тишине
звонят колокола Хатыни...
И этот звон болит во мне.

БАБУШКА ЛЕРМОНТОВА

Елизавета Алексеевна Арсеньева
внука своего пережила...
И четыре черных года
тень его
душу ей страдальческую жгла.

Как она за Мишеньку молилась!
Чтоб здоров был и преуспевал.
Только бог не оказал ей милость
и молитв ее не услышал.

И она на бога возроптала,
повелев убрать из комнат Спас.
А душа ее над Машуком витала:
«Господи, почто его не спас?»

Во гробу свинцовом, во тяжелом
возвращался Лермонтов домой.
По российским побелевшим селам
он катился черною слезой.

И откуда ей достало силы —
выйти за порог его встречать...
Возле гроба бабы голосили.
«Господи, дай сил не закричать...»
Сколько лет он вдалеке томился,
забывал между забот и дел.
А теперь навек к ней возвратился.
Напоследок бабку пожалел.

* *
*

Бывает, что мы речи произносим
У гроба по написанной шпаргалке.
О, если б мертвый видел,
Как мы жалки,
Когда в кармане
Свою скорбь приносим.

И так же радость делим иногда,
Не отрывая взгляда от страницы...

Еще бы научиться нам стыдиться.
Да жаль.
Что нет шпаргалки для стыда.

АЗАРТ

Мы скаковые лошади азарта.
На нас еще немало ставят карт.
И, может быть, мы тяжко рухнем завтра.
Но это завтра...
А сейчас азарт.

ЗАПАДНЫЕ ТУРИСТЫ

Приехали туристы из Германии.
Из Западной, где этот самый Бонн.
Их ждали... Все продумали заранее:
Экскурсии, купание и сон.

Их поместили в номерах с балконами,
Сперва оттуда выселив своих.
Мне показались очень уж знакомыми
Смешки туристов и нахальство их.

Я слышу речь, пугавшую нас в детстве,
Когда она входила в города.
И никуда от памяти не деться.
От гнева не укрыться никуда.

Они горланят в ресторане гимны.
И эти гимны — словно вызов нам.
От пуль отцов их наши батеньки гибли
Не для того, чтоб здесь наглеть сынам.

Я понимаю — мы гостеприимны.
И для туристов открываем дом.
Ждем их вопросов, слушаем их гимны
И речи произносим за столом.

Но эти, что приехали из Бонна,
Скажу по правде — ненавистны мне.
И снова мне и яростно, и больно.
И снова я как будто на войне.

Они идут вдоль берега, гогочут.
Откормлены, чванливы и горды.
А рядом море Черное грохочет.
С родной земли смывает их следы.

МЕЩАНСТВО

Мы за мещанство принимаем часто
Смешную бесшабашность дурака.
Не верьте! Настоящее мещанство
Зловеще, словно ненависть врага.
Лишенное романтики и таинств,
Как прежде надуваясь и сопя,
Оно в душе весь мир нулем считает
И единицей чувствует себя.
Подсиживанье, трусость и так далее...
Слепое поклонение вещам.
А вот скажите, вы хоть раз видали
На честность ополчившихся мещан?!
О, как они расчетливы, каналы!
И как коварны в помыслах своих.
И сколько душ великих доконали
За то, что те талантливее их.
Не верьте напускному добродушью,
Когда оно о дружбе говорит.
От чьей руки пал Александр Пушкин
И чьей рукою Лермонтов убит?
Мещанство было к этому причастно.
Оно причастно к подлости любой.
Мы Революцию не отдадим мещанству.
И только так! И только смертный бой!

* *
*

Сомнений снежный ком
несется к нам из прошлого.
Не думай о плохом,
а помни про хорошее.
Сомнения твои
я растопить сумею
признанием в любви
и верностью своею.

Ты помнишь, в прошлый май
мы заблудились в чаще.
И утренняя хмарь
пророчила несчастья.
Нас спас зеленый холм
и чей-то дом заброшенный.

Не думай о плохом,
а помни про хорошее.

Мы вышли из болот,
из той зловещей чащи.
С тех пор в тебе живет
боязнь за наше счастье.
Как будто может лес
нас разлучить с тобою.
как будто синий плеск
вдруг обернется болью.
Мы на коне верхом
проскочим бездорожье.
Не думай о плохом,
а помни про хорошее.

* *
*

О. Комову

Из всех открытий всего дороже
открытье друга, его души.
И мы с тобой, словно два прохожих,
почти всю жизнь к этой встрече шли.

И наша дружба — как древний город,
что прячет в недрах своих земля.
Я открываю твои просторы
добра и света... Поздравь меня.

Я открываю твои печали,
твои восторги в самом себе,
чтоб две души, две судьбы звучали,
как два цветка на одном стебле.

И если нас доконает служба,
иссушит боль иль собьет вина, —
нам будет донором наша дружба.
А группа крови у нас одна.

ТОРЖОКСКИЕ ЗОЛОТОШВЕИ

Смотрела крепостная мастерица
на вышитую родину свою...
То ль серебро, то ль золото искрится,
то ль слезы так струятся по шитью.

И лишь ночами вспоминала грустно,
что жизнь тебя ни в чем не берегла.
Откуда же пришло твое искусство?
Чьим колдовством помечена игла?

А было так. Проснувшись на печи,
крестьянка вдруг почувствовала солнце,
когда сквозь потемневшее оконце
пробились к ней весенние лучи.

Как нити золотые — всю избу
они прошли радостным узором.
Она смотрела воскрешенным взором
и утро принимала за судьбу.

Всё в ней дрожало, волновалось, пело.
И белый свет — как россыпи огней.
Она к оконцу оглушенно села...
И вот тогда пришло искусство к ней.

Пришло от солнца, от надежд — оттуда,
где ничего нет ближе красоты.
Она в иголку вдела это чудо,
ниспосланное небом с высоты.

И не было прекраснее товара
на ярмарках заморских, чем ее.
Она надежду людям вышивала.
И горе, и отчаянье свое.

Что видела — на шелк переносила.
И много лет еще пройдет — пока
свободной птицей спустится Россия
на синие счастливые шелка.

ПАМЯТНИК СОЛДАТУ

Немецкий лес, немецкая трава.
И рядом русский поднялся солдат.
А над солдатом неба синева,
как материнский взгляд.

Он не дошел сто метров до села.
Он до Победы полчаса не дожил.
Чужая мать сюда опять пришла
свою кручину возложить к подножью.
Стоит солдат. И взгляд его тяжел.
Над ним в Россию пролетают птицы.
И он давно б на Родину ушел,
Да всё друзей не может добудиться.

* *
*

Когда любовь навек уходит,
будь на прощанье щедрым с ней.
Ты от минувшего свободен,
но не от памяти своей.
Прошу тебя, будь благороден.
Оставь и хитрость, и вранье.
Когда любовь навек уходит—
достойно проводи ее.
Достоин будь былого счастья,
признаний прошлых и обид.
Мы за бывшее в настоящем
должны оплачивать кредит.
Так будь своей любви достоин!
Пришла или ушла она...
Для счастья все мы равно стоим.
У горя — разная цена.

МЫ ШЛИ С ТОБОЙ

Мы шли с тобой
Вдоль набегавших волн.
А пляж еще был холоден и гол.
И скопища мерцающих медуз
Нам снегом нарастающим казались.
И волны тихо берега касались,
Как грусть твоя
Касалась наших душ.
Вдали виднелось странное бревно.
Его мотали волны, как хотели.
Лишь ближе подойдя,
Мы разглядели,
Что это был дельфин, а не бревно.
Мне было жаль погибшего дельфина.

И ты глаза поспешно отвела.
Как будто в смерти той
Была повинна...

А я подумал — сколько в мире зла!

* *
*

Жизнь прожита...
Но все еще в начале.
Я выйду в поле.
Как я полю рад!
Здесь тыщи солнц подсолнухи качали,
Посеянные сорок лет назад.
Как будто ничего не изменилось.
Село мое, сожженное в войну,
По-прежнему рассветами дымилось,
Не нарушая дымом тишину.

Сейчас пастух на луг коров погонит
И ранний дрозд откликнется в лесу.
И тихие стреноженные кони
Повалятся в прохладную росу...

СЫНУ

Тревог и бед не обходи.
Меня в себе не пробуй свергнуть.
Не повторяются пути,
Но повторима наша верность.

Она едина до конца —
Святая верность идеалам.
Стань продолжением отца
И честен будь в большом и малом.

И ставь грядущее свое
По крупным ставкам,
Крупным целям.
Есть бытие, а есть житьё.
Но душу мы свою не делим.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я ненавижу в людях ложь...»	3
«Ничего не вернешь...»	4
Баллада о матери	4
Три дня	5
«Не смейте забывать учителей...»	6
Дельфин	7
Ни о чем не жалейте	8
«А мне приснился сон...»	8
«Вот и все. Уже вещи собраны...»	10
«Я живу открыто...»	10
Тверское воспоминание	11
Раненый орел	14
«Любовь не только возвышает...»	15
Виденье	15
Характер	16
Женщина уходит из роддома	17
Лермонтов и Варенька Лопухина	17
После нас	18
«Сандаловый профиль Плисецкой...»	19
Отец	20
Старый Крым	20
Случай на охоте	21
Колокола Хатыни	22
Бабушка Лермонтова	23
«Бывает, что мы речи произносим...»	24
Азарт	25
Западные туристы	25
Мещанство	26
«Сомнений снежный ком...»	26
«Из всех открытий всего дороже...»	27
Торжокские золотошвеи	28
Памятник солдату	28
«Когда любовь навек уходит...»	29
Мы шли с тобой	29
«Жизнь прожита...»	30
Сыну	30

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

ТРИ ДНЯ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 16.10.86. Подписано к печати 5.01.87.

А 00302. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.

Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,49.

Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000 экз.

Изд. № 64. Зак. № 3927.

Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул.
«Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Расчетный чек Гострудсберкасс СССР избавит Вас от необходимости иметь при себе крупную сумму денег при покупке товара стоимостью более 200 рублей.

● Расчетный чек также поможет Вам рассчитаться за садовый домик, ремонт автомобиля, строительство и ремонт жилья, изготовление изделий из меха, гранитных изделий, мебели, другие дорогостоящие услуги предприятий бытового обслуживания. Расчетным чеком можно оплатить стоимость обслуживания туристов, путешествующих по СССР и выезжающих в социалистические страны, а также проездных документов, если стоимость указанных услуг составляет не менее 200 рублей.

● Расчетный чек выдается сберегательной кассой на сумму до 10 тыс. рублей за счет средств, хранящихся на счете по вкладу или вносимых наличными деньгами.

● Расчетный чек принимается к оплате в любом городе или районе страны. Он действителен в течение 2 месяцев, не считая дня его выдачи.

● Неиспользованный расчетный чек предъявляется в любую центральную сберегательную кассу для выплаты наличных денег или зачисления суммы во вклад.

**Российское республиканское
Главное управление Гострудсберкасс СССР**